

Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Ноябрь 1897 г.

ДОРОГІЕ ТОВАРИЩИ!

Скоро будетъ 15 лѣтъ, какъ родилась русская социаль-демократія. Но не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ, спасшихся волею судебъ отъ участи, постигшей большинство ихъ друзей и товарищей. Борьбы въ настоящемъ смыслѣ слова уже не было, раздавалось только шумное ликование царевыхъ слугъ, размыскавшихъ и безпощадно добывавшихъ попавшіеся имъ въ руки остатки недавно еще столь грозныхъ отрядовъ русской революціонной партіи. Новое для Россіи революционное дѣтище появилось на свѣтъ въ самый разгаръ реакціи — реакціи не только правительственной, но и общественной. Либеральныя силы перепугались и съезжились, когда увидѣли, что за „Народной Волей“ нѣтъ никакой силы, что она представляетъ собою лишь авангардъ отважныхъ борцовъ, борцовъ, правда, неустрашимыхъ и полныхъ непоколебимой энергіи, но все же бессильныхъ одолѣть врага — за неизмѣнимъ арміи. Когда правитель-

ство пребывало въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ подѣ ударами революціонеровъ, либеральное общество втихомолку, по крайней мѣрѣ, восторгалось ими и до извѣстной степени оказывало имъ поддержку. Но лишь только реакція одолѣла партію „Народной Воли“, симпатіи либераловъ къ революціонному движенію вдругъ испарились, уступивъ мѣсто полнѣйшему индифферентизму, чтобы не сказать больше. Учащаяся молодежь, съ своей стороны, была слишкомъ ошеломлена и разочарована трагическимъ исходомъ движенія, руководимаго „Исполнительнымъ Комитетомъ“, чтобы не усумниться въ самой цѣлесообразности революціонныхъ путей, а безъ активной поддержки этой молодежи и непрерывнаго притока бойцовъ изъ ея среды движеніе не могло возобновиться, такъ какъ рабочая масса оставалась тогда совсѣмъ еще не затронутой революціонной агитаціей. Программа „Группы Освобожденія Труда“ явилась именно отвѣтомъ на вопросъ: какъ выйти изъ этого тяжелаго положенія? Откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ и какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?

„Возвышая голосъ во имя народа, они (демократическіе идеологи высшихъ классовъ) съ удивленіемъ видятъ, что народъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ; отсюда — неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенціи*“). Вы сами знаете, какой выходъ изъ этого положенія былъ указанъ „Группой Освобожденія Труда“. „Образованіе революціонной рабочей партіи, первой задачей которой должно быть низверженіе абсолютизма“ — этими словами „Гр. Ос. Тр.“ формулировала тотъ путь, на который слѣдовало бы вступить революціонной интеллигенціи. Въ извѣстной брошюрѣ Плеханова „Соціализмъ и Политическая Борьба“ практическія задачи русской соціалдемократіи были впервые теоретически обоснованы. Но тѣ же обстоятельства, которыя

*) Проектъ программы.

вызвали къ жизни литературное социаль-демократическое течение, оказались большимъ тормазомъ для возникновенія живого социаль-демократическаго движенія въ *самой Россіи*. Можно сказать, что въ течение дѣлаго десятилѣтія оно оставалось въ состояніи зародыша; только въ послѣдніе годы оно начинаетъ проявлять жизнь и принимать формы, обѣщающія быстрый и здоровый ростъ.

Говоря, что движеніе наше до недавняго времени оставалось въ зародышевомъ состояніи, я имѣю въ виду не одни лишь непосредственно практическія проявленія его, не одну только практическую дѣятельность представителей его въ Россіи. Оно и въ теоріи, и по вопросамъ *программнымъ* только теперь начинаетъ становиться на почву социаль-демократіи. Дѣло въ томъ, что ученія послѣдней, будучи интернаціональными, охватывая общій ходъ и всемірноисторическія условія и задачи освободительнаго движенія пролетаріата, даютъ только теоретическую основу и указываютъ общее направленіе его, но отнюдь не опредѣляютъ еще апріорнымъ образомъ *національной* программы рабочихъ партій въ каждой отдѣльной странѣ.

Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать одну оговорку: социальная демократія возникла и окрѣпла въ странахъ, уже покончившихъ съ той эпохой развитія капитализма и буржуазнаго общества, которую переживаетъ современная Россія. Какъ ни сильно различаются онѣ по своимъ политическимъ учрежденіямъ, основныя условія существованія пролетаріата въ нихъ, если не тождественны, то *однородны*. Поэтому, и въ практическихъ задачахъ, въ программѣ и тактикѣ ихъ социаль-демократическихъ партій не можетъ быть существенной разницы. Разница тутъ можетъ быть только въ деталяхъ. Совершенно въ другомъ положеніи находится русская социаль-демократія. Россія, вступившая уже въ эпоху промышленнаго капитализма, вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ и на примитивныхъ ступеняхъ его: она далеко еще не покончила съ эпохой первоначальнаго накопленія, и народу

русскому приходится одновременно переживать страдания, вызываемыя прогрессомъ крупной промышленности, и гнеть экономическаго и политическаго варварства, соответствующаго періодамъ капиталистической эволюціи, давно уже пережитыми передовыми народами Запада. Русскому промышленному пролетариату приходится начинать свою историческую карьеру въ тискахъ бюрократическаго абсолютизма и подъ высокимъ давлениемъ насильственной экспроприаціи и дифференціаціи крестьянства, совершающихся совмѣстными силами государства и торгово-ростовщическаго капитала. Обездоленные и некультурныя сельскія массы бѣгутъ въ города и обезцѣниваютъ и безъ того болѣе чѣмъ дешевый трудъ уже сформированныхъ кадровъ городского рабочаго класса. Уже однѣ эти особенности историческаго положенія послѣдняго требуютъ иной постановки вопроса о *ближайшихъ* задачахъ его освободительнаго движенія, чѣмъ на Западѣ. Мысль эта очень опредѣленно и ясно выражена уже въ обнародованной „Группой Осв. Труда“ программѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Практическія задачи, а слѣдовательно, и программы социальдемократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ, и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ социальдемократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи.

Россія находится именно въ такомъ положеніи.“

Эта точка зрѣнія на задачи русской социальдемократіи позволила представителямъ новаго теченія революціонной мысли отнести къ бунтарско-террористическому періоду нашего революціоннаго движенія не только какъ къ объекту отрицанія. Въ ихъ представленіи социальдемократизмъ долженъ былъ явиться лишь новой эволюціей движенія, уже начатаго и создавшаго

извѣстныя традиціи, эволюціей, имѣющей не выбросить за бортъ, а напротивъ, сохранить и, такъ сказать, оживотворить новой теоріей положительныя элементы революціоннаго народничества. Революціонеры 70-хъ годовъ принимали въ расчетъ интересы одного лишь крестьянства и строили свою программу на положительномъ и отрицательномъ отношеніи къ остаткамъ крѣпостной эпохи, почти-что игнорируя измѣненія, вносимыя въ русскую жизнь успѣхами крупной промышленности. Изъ новыхъ явленій этой жизни имъ больше всего бросались въ глаза растущій гнетъ рыцарей кулацко-торговаго капитала и порабощеніе ими себѣ все большихъ и большихъ массъ деревенскаго населенія. Эта односторонность, объясняющаяся зачаточнымъ состояніемъ промышленнаго капитализма въ періодъ возникновенія и выработки народническихъ ученій, гибельно отразилось на движеніи 70-хъ годовъ. Какъ бы то ни было, тѣ элементы русской дѣйствительности, которыми опредѣлялось содержаніе и направленіе народничества, образуютъ въ своей совокупности національно-историческія условія, въ которыхъ приходится выступать на историческое поприще нашему пролетариату. Они-то и обусловливаютъ и „болѣе сложный характеръ“ практическихъ задачъ русской социальдемократіи. И поскольку народничество было революціонно, т. е. выступало противъ сословно-бюрократическаго государства и поддерживаемыхъ имъ варварскихъ формъ эксплуатаціи и угнетенія народныхъ массъ, по стольку оно должно было войти, съ соотвѣтствующими измѣненіями, какъ составной элементъ въ программу русской социальдемократіи. Чтобы, ради экономіи, не входить въ пространныя разъясненія, приведу еще пару выдержекъ изъ программы „Гр. Осв. Тр.“

„Старая система натурального хлѣбства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальныя, общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государ-

ству крестьянскаго населенія, а во многих мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми.

„Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безправіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система.

„Такое положеніе дѣлъ было бы вполне безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Богѣе воспримчивый, подвижный и развитый, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое крестьянское населеніе.

„Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса оно и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи, русскіе социаль-демократы считаютъ первой и главнѣйшею своею обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи“.

Въ этихъ выдержкахъ само собою бросается въ глаза не только отрицательное, но и положительное отношеніе новаго теченія русской революціонной мысли къ бунтарско-террористическому періоду нашего движенія. Характернѣ всего здѣсь заявленіе, что русская революція послужила бы „прежде всего на пользу крестьянства“. Далекое не лишено значенія также то замѣчаніе, въ которомъ косвеннымъ образомъ, какъ гдѣто само собою подразумевающееся, признается огромное революціонное значеніе за энергичной оппозиціей либеральныхъ слоевъ общества правительству, если бы у насъ таковая имѣлась. Въ этомъ пунктѣ заграничная группа русскихъ социальдемократовъ выразила тенденцію партіи „Нар. Воли“, которая, въ лицѣ Желябова напр., считала необходимымъ союзъ революціонеровъ съ ли-

берально-оппозиционными элементами „для завоеванія возможно болѣе демократической конституціи“. Наконецъ, если вникнуть въ *практическую* мотивировку идеи образованія „революціонной рабочей партіи“ въ современной Россіи, то увидимъ, что и на ней отразилась духовная связь социалъдемократическаго теченія съ предыдущимъ періодомъ нашего революціоннаго движенія. Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь не самодовлѣющими интересами пролетаріата и не отдаленными цѣлями социализма, а настоятельной необходимостью такой организаціи для ближайшихъ общедемократическихъ цѣлей русскаго революціоннаго движенія, для обезпеченія революціонерамъ успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса, класса вообще, т. е. и крестьянскихъ массъ, и городскихъ рабочихъ. Можно подумать, что въ представленіи первой русскои социалъдемократической группы рабочее движеніе рисовалось не какъ нѣчто само въ себѣ заключающее цѣль и оправданіе своего существованія, а лишь какъ средство или орудіе, предназначенное служить другимъ общественнымъ силамъ. Такое заключеніе было бы, разумѣется, невѣрно. Но несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ политическими и социальными тенденціями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ демократическіе элементы нашей интеллигенціи.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая пункты программы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, мы видимъ, что только одинъ изъ нихъ касается исключительно и всецѣло рабочихъ, именно тотъ, въ которомъ содержится требованіе серьезнаго фабричнаго законодательства и организаціи фабричной инспекціи „съ представительствомъ отъ рабочихъ“. Большая же часть остальныхъ пунктовъ направлена противъ сословной и общественной организаціи и противъ самодержавія; нѣкоторые изъ нихъ, по своему радикализму, идутъ дальше вождедѣвнй умѣренно

либеральныхъ элементовъ, но за то охватываютъ интересы всей народной массы и всѣхъ слоевъ демократической интеллигенціи. Затѣмъ, изъ четырехъ такъ-наз. „экономическихъ требованій“, только одно вышеупомянутое имѣетъ въ виду исключительно рабочихъ („городскихъ и сельскихъ“), всѣ же другія направлены, главнымъ образомъ, на защиту крестьянъ и кустарей, и только отчасти промышленныхъ пролетаріевъ.

Читатель знаетъ, съ какимъ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, народники распространяли и распространяютъ легенду объ „узкости“ русскихъ социалъдемократовъ а ихъ крестьянофобіи. Читателю не безъинтересно будетъ, поэтому, сопоставить съ этою легендою слѣдующія строки, резюмирующія смыслъ и практическія тенденціи цитированной программы.

„Эти требованія — содержаніе которыхъ только-что перело — настолько же благоприятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обдѣлываемаго члена общины, пролетарій вернется въ нее социалъдемократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею обдѣлываемая часть крестьянства.“

Въ этой характеристикѣ практической программы первыхъ русскихъ социалъдемократовъ недостаетъ еще только одной черты — именно, указанія на то, что „требованія“, перечисленныя въ ней, „благопріятны“ и интересамъ прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще, а демократической интеллигенціи въ особенности. Обще-демократическія тенденціи составляютъ органическій элементъ въ политической дѣятельности пролетаріата всѣхъ странъ. Но они играютъ или должны играть, въ извѣстномъ смыслѣ, еще гораздо большую роль въ Россіи, гдѣ промышленный капитализмъ

развивается еще въ социальнo-политической и культурной атмосферѣ эпохи первоначальнаго накопленія, гдѣ буржуазія еще не принимаетъ участія въ управленіи государствомъ, а промышленный пролетаріатъ, по своимъ составнымъ элементамъ и условіямъ существованія, въ высокой степени связанъ еще съ деревней. Къ сожалѣнію, тяжелыя обстоятельства, при которыхъ марксизмъ началъ приобрѣтать вліяніе среди нашей учащейся молодежи, помѣшали послѣдней усвоить его сразу въ примѣненіи къ конкретнымъ историческимъ условіямъ жизни и развитія пролетаріата въ современной Россіи. Истощеніе въ интеллигенціи активныхъ революціонныхъ силъ и полное разочарованіе въ старыхъ путяхъ сосредоточили мысль и вниманіе идейной молодежи на саморазвитіи и сѣзнили кругъ ея интересовъ и стремленій сферой теоретическихъ вопросовъ, главнымъ образомъ, конечно, „соціологическихъ“. Идейная же атмосфера народничества, изъ котораго все революціонное вывѣтрилось и которое обратилось въ либерально-реакціонную смѣсь, давало очень одностороннее направленіе этому „саморазвитію“ и работѣ рвавшейся впередъ революціонной мысли. Тѣ элементы учащейся молодежи, симпатія которыхъ тяготѣли къ социалдемократіи, невольно усваивали ученія послѣдней, какъ „соціологическую доктрину“, безусловно отрицающую все содержаніе народничества, ничего общаго не имѣющую не только съ его либерально-реакціонными выродками, но и съ бунтарско-террористическимъ періодомъ. Но порывая, такимъ образомъ, всякую идейную связь съ революціоннымъ народничествомъ и его традиціями, элементы эти тѣмъ самымъ вычеркнули изъ списка реальныхъ факторовъ, опредѣляющихъ современное историческое положеніе русскаго пролетаріата, тѣ элементы русской жизни, которые образуютъ собою реакціонную національно-историческую атмосферу, въ которой задыхается русскій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочій классъ. Въ результатъ такой логической операціи, получилась абстрактная доктрина, объяснявшая историческую неиз-

бѣжность капиталистическаго прогресса и его революціонныя тенденціи въ болѣе или менѣе далекой перспективѣ, но оставлявшая въ тѣни жгучіе вопросы революціонной борьбы въ современной Россіи. Политическій индифферентизмъ и безразличное отношеніе къ страданіямъ и бѣдствіямъ народныхъ массъ, не непосредственно обусловливаемыхъ эксплуатаціей рабочаго промышленнымъ капиталистомъ, являлись характернѣйшей отличительной чертой чуть не большинства марксистской молодежи въ прошломъ десятилѣтіи. Но рассматривая экономическій антагонизмъ наемныхъ рабочихъ и капиталистовъ изолированно отъ окружающей ихъ соціально-политической и культурной среды, мы прямолинейнымъ образомъ приходимъ — въ теоріи — къ абстрактному понятію объ отношеніи труда и капитала, генезисъ и особенности котораго объясняетъ намъ ученіе Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, а на практикѣ — къ такъ-называемой экономической борьбѣ, проще говоря, къ стачкамъ, какъ къ единственному, или по крайней мѣрѣ, главному освободительному средству пролетаріата. Въ 80-хъ годахъ, вслѣдствіе крайняго истощенія революціонныхъ силъ и необходимости усвоить основныя положенія марксизма, молодые адепты его не могли еще вступить на этотъ путь. Зато тѣмъ усерднѣе ломали они свои головы надъ теоріей стоимости. Многіе изъ нихъ попадали при этомъ въ схоластическіе дебри, серьезно воображая, однако, что они все-таки работаютъ на пользу революціи.

Впрочемъ, въ извѣстномъ смыслѣ, они были правы. Если не всѣ, то лучшіе изъ представителей молодежи, упивавшихся ученіями Маркса, понесли эти послѣднія въ рабочую среду, съ твердымъ намѣреніемъ подготовить тамъ элементы „для будущей русской рабочей партіи“.

Какъ ни абстрактно пропагандировались эти ученія, ихъ революціонное вліяніе на передовыхъ рабочихъ начали проявляться уже въ первые годы нашего десятилѣтія. А въ серединѣ его въ кругу марксистской моло-

дежи и спропагандированных рабочих накопились уже столько активных силъ, что сама собою назрѣла потребность въ переходѣ къ живой, непосредственно революціонной дѣятельности. На первыхъ порахъ она приняла одностороннюю форму организацій и поддержки почти одиѣхъ только стачекъ. Эта эволюція въ нашемъ социальдемократическомъ движеніи была въ значительной мѣрѣ исторически необходима и (что особенно важно) не смотря на свою односторонность, несомнѣнно очень плодотворна съ точки зрѣнія политическаго развитія русскаго пролетаріата и его друзей въ интеллигенціи. Стачечное движеніе въ какіе-нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои и ихъ организаціонный авангардъ лицомъ къ лицу съ абсолютизмомъ и успѣло уже выдвинуть передъ ними на очередь вопросъ о завоеваніи политической свободы. Этими самымъ социальдемократическое движеніе вступаетъ на такую почву, которая должна привлечь къ нему симпатіи всѣхъ истинныхъ друзей прогресса въ Россіи, какъ бы отрицательно они ни относились къ теоріямъ и окончательнымъ пѣлямъ социальной демократіи. Далѣе, агитація на почвѣ экономическихъ интересовъ неизбежно приведетъ социальдемократическіе кружки въ непосредственное столкновеніе съ фактами, наглядно показывающими тѣснѣйшую солидарность интересовъ нашего промышленнаго пролетаріата съ крестьянскими массами. Съ другой стороны, съ успѣхомъ и расширеніемъ поля агитаціи, прогрессивно будутъ расти и потребности социальдемократіи въ увеличеніи своихъ силъ и средствъ. Уже теперь массовая агитація поглощаетъ тѣкъ и другихъ такое количество, что должна ощущаться нужда въ обезпеченіи и расширеніи источника для ихъ непрерывнаго пополненія и обновленія. Еще настоятельнѣе она, конечно, станетъ тогда, когда русскіе социальдемократы раздвинутъ рамки своей дѣятельности въ указанномъ направленіи и поведутъ атаку противъ абсолютизма, хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездо-

ленныхъ. Но это же расширеніе сферы классовой борьбы русскаго пролетаріата и послужить вѣрнымъ источникомъ для обезпеченія ей постоянного притока необходимыхъ силъ и средствъ.

Господствовавшій въ средѣ марксистовъ въ 80-хъ годахъ индифферентизмъ ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, выходящимъ за сферу непосредственнаго антагонизма труда и капитала, представлялъ собою своеобразное отраженіе того тактическаго взгляда западной социалдемократіи, по которому всѣ классы и партіи составляютъ по отношенію къ пролетаріату „одну сплошную реакціонную массу“. Этотъ тактический лозунгъ находится въ логической связи съ практическими стремленіями революціоннаго пролетаріата на Западѣ къ „политической эспроприаціи“ высшихъ классовъ и выражаетъ въ нѣсколько гиперболической формѣ тотъ фактъ, что въ силу своего господствующаго положенія въ государствѣ, классы эти не могутъ не выступать принципиальными антагонистами социаль-демократовъ. Вообще, тактика рѣзко враждебнаго противопоставленія политической организаціи рабочихъ всѣмъ буржуазнымъ партіямъ не есть плодъ социалдемократическаго или иного доктринерства. Она органически выросла на исторической почвѣ, характеризующейся, съ одной стороны, рѣзкимъ, окончательнымъ выдѣленіемъ городскихъ рабочихъ изъ общей народной массы въ экономически и культурно особый классъ, а съ другой стороны, полнымъ господствомъ крупнаго капиталистическаго производства и отсутствіемъ монархическаго абсолютизма въ управленіи государствомъ. Особенно важно при этомъ то, что историческое движеніе, создавшее эту почву, подняло вмѣстѣ съ тѣмъ пролетаріатъ и на интеллектуальную высоту, дѣлающую его *способнымъ* къ организованной защитѣ своихъ интересовъ и создало политическія условія, позволяющія ему, если не одерживать рѣшительныхъ побѣдъ надъ *соединенными* силами другихъ классовъ, то, по крайней мѣрѣ, бороться противъ нихъ и крѣпнуть въ этой борьбѣ.

Въ Россіи нѣтъ еще самаго главнаго условія для политической борьбы съ буржуазіей — нѣтъ политически господствующихъ классовъ, а за то имѣется царь съ чиновниками, самодержавно властвующими надъ всей націей. Промышленные рабочіе находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ предпринимателями, т. е. съ однимъ слоемъ капиталистической буржуазіи. Но такъ какъ буржуазія вообще не стоитъ у кормила государственнаго корабля, то и антагонизмъ пролетаріата съ нею *непосредственно* имѣетъ лишь экономическій характеръ. И если онъ содержитъ въ себѣ неизсякаемый источникъ импульсовъ для развитія политическаго сознанія и политическихъ страстей въ нашемъ рабочемъ классѣ, то не въ силу политическаго господства капиталистическихъ слоевъ буржуазіи, а потому, что они находятся подъ особымъ *покровительствомъ* царской бюрократіи. Но это относительно привилегированное положеніе торгово-промышленной буржуазіи является однимъ изъ главныхъ источниковъ для антагонизма и разночинской интеллигенціи и образованныхъ слоевъ представителей частнаго землевладѣнія, противъ самодержавнаго строя государства. Наконецъ, въ лицѣ своихъ кулачко-ростовщическихъ слоевъ, наша капиталистическая буржуазія является спеціальнымъ угнетателемъ и врагомъ бѣднѣйшихъ массъ крестьянства, врагомъ, опять-таки поддерживаемымъ и покровительствуемымъ „соціальной политикой“ абсолютизма и его прислужниковъ. Однимъ словомъ, реальное изложеніе вещей отнюдь не обрекаетъ нашъ промышленный пролетаріатъ на соціально-политическую изолированность. И слава Богу, что не обрекаетъ. Начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, мало-культурнаго крестьянства, онъ и теперь еще, въ массѣ, слишкомъ глубоко товетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи — въ тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революціонной силы. Еще меньше шансовъ

имѣла бы наша „революціонная рабочая партія“ расти и энергично проявлять себя въ жизни, еслибъ ей пришлось уже на современной низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитія народныхъ массъ въ Россіи, на почвѣ самодержавно-полицейскаго государства, вести борьбу противъ *всѣхъ* буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ классовъ, какъ противъ „одной сплошной реакціонной массы“. А между тѣмъ, марксистская молодежь 80-хъ годовъ какъ бы совершенно не сознавала значенія этихъ моментовъ и видѣла единственную гарантію успѣховъ нашего социалъдемократическаго движенія въ численномъ ростѣ фабрично-заводскаго пролетаріата. Эта точка зрѣнія могла уживаться кое-какъ съ чисто-пропагандистскою дѣятельностью въ маленькихъ кружкахъ изъ отборныхъ единицъ рабочаго класса. Но она становится несомвѣстной съ организаціонной и агитаціонной дѣятельностью въ массахъ. Боевой характеръ ея обуславливаетъ огромныя потери силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ значительнаго контингента инициативныхъ элементовъ и организаторовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи крупныя литературныя силы и матеріальныя средства. Для непрерывной революціонной борьбы необходима, наконецъ, и сочувственная внѣшняя атмосфера, т. е. если не явное, то хоть скрытное благоволеніе широкихъ общественныхъ слоевъ, не стоящихъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія идеологовъ революціоннаго пролетаріата.

Такимъ образомъ, помимо даже широкихъ политическихъ соображеній, одни повседневныя нужды нашего движенія въ новомъ его фазисѣ выдвигаютъ на очередь вопросъ о возможно широкомъ воздѣйствіи русской социалъдемократіи на тѣ слои населенія, которые, хотя и не принадлежатъ къ рабочему классу, тѣмъ не менѣе, страдаютъ отъ современныхъ порядковъ. Но для воздѣйствія на эти слои отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы социалъдемократы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача пріобрѣтенія русскими социалъдемократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ со-

возниковъ среди не-пролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитационно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетаріата*. До сихъ поръ дѣятельность эта вращалась почти цѣлкомъ вокругъ непосредственно экономической эксплуатаціи рабочихъ нанимателями. Указанная же задача требуетъ расширенія объема агитаціи и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, въ которыхъ сходятся и дереплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей. Но эти вопросы оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, самыми важными и существенными въ настоящее время для нашего пролетаріата. Слѣдовательно, подчеркивая и выдвигая ихъ, наша пропаганда и агитациія будутъ наиболѣе пѣлесобразны и съ точки зрѣнія, имѣющей въ виду исключительно развитіе политическаго сознанія рабочихъ.

Принимая во вниманіе социальную безпомощность крестьянскихъ массъ и политическое безсиліе нашихъ образованныхъ классовъ, можно напередъ сказать, что социалъдемократическая тактика, построенная на только что указанныхъ соображеніяхъ, будетъ на каждомъ шагѣ обнаруживать общенациональное значеніе нашего рабочаго движенія, какъ фактора, наиболѣе сильнаго и наиболѣе рѣшительно дѣйствующаго въ борьбѣ противъ отсталаго общественно-политическаго строя Россіи. А это, въ свою очередь, явится источникомъ воздѣйствія социалъдемократіи въ крестьянствѣ и среди высшихъ классовъ, которымъ приходится терпѣть отъ этого строя. По мѣрѣ же роста ея значенія и популярности, какъ наиболѣе рѣшительнаго и передоваго борца за общенародные интересы и за прогрессъ, либеральнымъ слоямъ придется въ своей легальной дѣятельности все болѣе и болѣе считаться съ потребностями и стремленіями пролетаріата. Это значить, что легальныя усилія и средства, которыми прогрессивные элементы высшихъ клас-

совъ стараются упрочить и усилить свое вліаніе на общество и государство, будутъ непосредственно служить и на пользу созданія условий, благоприятствующихъ политическому развитію и организаціи рабочихъ въ оковахъ деспотическаго государства.

Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ дольше останавливаться на высказанныхъ здѣсь положеніяхъ. Онѣ лишь намѣчаютъ, но далеко не исчерпываютъ тактическихъ вопросовъ русской социальдемократіи. Намѣченную выше тактическую точку зрѣнія я отчасти примѣнилъ въ области литературной пропаганды среди рабочихъ — въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ двухъ вышедшихъ книжкахъ соц.-демократическаго сборника „Работникъ“. Надѣюсь, въ скоромъ времени буду имѣть случай подробнѣе поговорить о современныхъ тактическихъ задачахъ русской социальдемократіи. Теперь же позвольте мнѣ ограничиться вышесказанными общими замѣчаніями.

Не могу не воспользоваться случаемъ, чтобы не выразить Вамъ*) и всему Вашему обществу искренней признательности за ту нравственную и матеріальную поддержку, которую русско-американскіе товарищи не переставали оказывать русской социальдемократіи почти съ перваго момента ея зарожденія вплоть до настоящей минуты. Крѣпко жму Вамъ руки и шлю социальдемократическій привѣтъ всѣмъ товарищамъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

Декабрь 1897 г.

Дорогіе товарищи!

Русская социальдемократія переживаетъ теперь въ высшей степени важный моментъ. Стачечное движеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ, охватившее промышленные центры Россіи и цѣлыя области, показало, что русскіе социаль-

*) Редакторомъ проектировавшагося сборника.

демократы пустили уже корни въ рабочую массу и являются организаторами и руководителями въ ея повседневныхъ столкновеніяхъ съ эксплуататорами. Такимъ образомъ, они въ какіе-нибудь два года изъ мирныхъ пропагандистовъ-просвѣтителей и саморазвивающихся приверженцевъ Маркса превратились въ живую, активную революціонную силу. Но эта сила находится еще въ первыхъ стадіяхъ своего развитія, и дальнѣйшій ростъ ея далеко еще не обезпеченъ.

Что наше рабочее движеніе не остановится и не зазреть — подъ гнетомъ царско-полицейскаго самовластия — въ этомъ нечего сомнѣваться, за это ручается все экономическое развитіе Россіи. Но будетъ-ли оно впередъ расти и крѣпнуть подъ знаменемъ социальдемократіи — это другой вопросъ. А между тѣмъ, отъ положительнаго или отрицательнаго его рѣшенія зависить историческое значеніе борьбы рабочихъ съ предпринимателями и ихъ политическая роль въ современной Россіи. Да не только классовые интересы пролетаріата, весь ходъ внутренняго политическаго развитія Россіи зависить въ значительной мѣрѣ отъ того или иного характера и направленія нашего рабочаго движенія. Въ настоящую минуту, быть можетъ, готовится это рѣшеніе, и потому-то я считаю ее весьма важнымъ моментомъ въ жизни русской социальдемократіи.

Двѣ перспективы рисуются мнѣ въ недалекомъ будущемъ:

Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями, и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками или фракціями изъ такъ-называемой интеллигенціи. Словомъ, освободительное движеніе идетъ, если не совсѣмъ, то въ одномъ, очень важномъ отношеніи, тѣмъ же путемъ, какъ и на Западѣ въ давно-прошедшія времена, когда и тамъ еще господствовалъ монархически-чиновничій произволъ: ра-

бочія массы не играютъ въ немъ самостоятельной революціонной роли, онѣ идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ чужимъ.

Другая перспектива: Соціалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзы* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собою наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи. Очевидно, эта послѣдняя перспектива требуетъ отъ рабочихъ гораздо болѣе высокаго уровня политическаго сознанія и самосознанія, чѣмъ первая, при которой руководителями революціоннаго движенія были бы представители буржуазныхъ классовъ, а пролетаріатъ являлся бы лишь руководимой, слѣпо идущей за ними массой.

Имѣются-ли въ русской жизни средства, необходимыя для развитія въ русскихъ рабочихъ такой политической сознательности и самодѣятельности, которая сдѣлала бы ихъ способными организовать въ самостоятельную и отчасти руководящую революціонную партію? Таковъ, поэтому, первый, можно сказать, основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависить дальнѣйшая судьба русской соціалдемократіи. Если таковыхъ средствъ не имѣется, другими словами, если нѣтъ возможности доставить русскому пролетаріату самостоятельную, передовую роль въ борьбѣ противъ царско-полицейскаго самовластия и самоуправства, то русская соціалдемократія не имѣетъ историческаго права на существованіе. Она въ такомъ случаѣ лишена всякой жизнеспособности и своимъ существованіемъ скорѣе тормозила бы ростъ революціоннаго движенія, чѣмъ способствовала бы ему.

Къ счастью для нашего пролетаріата, русская жизнь отвѣчаетъ на поставленный выше вопросъ вполне утвердительно. Однимъ изъ основныхъ условій для раз-

вѣтія рабочихъ служатъ широкое распространеніе элементарнаго образованія въ ихъ средѣ, дающаго возможность, при посредствѣ газетъ и книгъ, расширять свой умственный кругозоръ, находиться въ умственномъ общеніи съ мировымъ историческимъ движеніемъ и получать толчки и возбужденіе для мысли отъ идей и событій, наполняющихъ жизнь образованнаго, мыслящаго и дѣйствующаго человѣчества. Народное образованіе стоитъ у насъ еще на низкой ступени; даже простая грамота далеко еще не всему населенію доступна. Но все-же Россія сдѣлала уже значительные успѣхи въ этомъ отношеніи и за дальнѣйшіе, еще болѣе быстрые успѣхи ручаются настоятельныя нужды высшихъ классовъ и самого правительства. Благодаря этимъ нуждамъ, у насъ уже получили значительное распространеніе и развитіе такія образовательныя средства, какъ народныя школы, народныя читальни и бібліотеки, общедоступныя популярныя чтенія, дешевая народная литература и періодическая печать. Конечно, все это далеко еще не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія, но движеніе на пользу общенароднаго просвѣщенія не можетъ остановиться, наоборотъ, оно будетъ дальше идти ускореннымъ шагомъ, расширяя и укрѣпляя умственную почву для дѣятельности социаль-демократовъ въ рабочей массѣ.

Но грамотность и даже образованіе становятся орудіемъ для пробужденія народныхъ массъ къ политической самодѣятельности лишь тамъ, гдѣ общественная жизнь бьетъ живымъ ключомъ, гдѣ происходитъ борьба между различными классами населенія въ органахъ общаго самоуправленія, въ собраніяхъ и печати, гдѣ, наконецъ, существуетъ и проявляется подъ разными формами и разными путями недовольство правительствомъ и всѣмъ государственнымъ строемъ. Въ конституціонныхъ странахъ всѣхъ этихъ двигателей и орудій политическаго развитія рабочихъ массъ имѣется вдоволь, и государственный порядокъ самъ благопріятствуетъ кипучей общественно-политической жизни. У

насть, разумѣется, пока и рѣчи быть не можетъ о такой кипучей жизни. Наши земскія собранія и городскія думы, ихъ пренія и ходатайства передъ правительствомъ, наши разнообразные сѣзды и общественныя собранія, наша либеральная печать и другіе легальныя органы общественной самодѣятельности представляютъ собою лишь частички конституціонной жизни, и притомъ частички, разведенныя бочками воды, наполненными враждебными микробами. Однако, какъ они ни слабы, и эти зародыши общественнаго самоуправленія и свободы могутъ послужить опорными точками и двигателями для пробужденія и воспитанія русскаго пролетаріата къ политической жизни. Не смотря на свою тѣлесную слабость, они заключаютъ въ себѣ огромную революціонную силу, находящуюся теперь еще въ скрытомъ, неразвитомъ состояніи, но легко могущую превратиться въ живую, дѣйствующую, подъ вліяніемъ энергичной работы социальдемократовъ среди рабочихъ. Можно даже сказать (съ извѣстными оговорками), что *зачаточные* элементы конституціонной жизни въ современной Россіи непосредственно заключаютъ въ себѣ больше революціоннаго духа, чѣмъ развитыя конституціонныя формы на Западѣ. Больше потому, что на Западѣ высшіе классы, начиная съ эксплуататорскихъ, и кончая тѣми слоями, которые у насъ называются „интеллигенціей“, склонны къ консерватизму и пользуются находящеюся въ ихъ рукахъ законодательною властью, даже наукой и печатью, для борьбы *противъ* революціонныхъ стремленій пролетаріата. Въ Россіи же значительная часть этихъ классовъ, и въ особенности наиболѣе политически развитые ихъ слои сами заражены „разрушительными стремленіями“ и не могутъ не пользоваться всѣми доступными имъ путями и средствами для скрытой или явной борьбы противъ царско-полицейскаго всевластія и противъ безправія народныхъ массъ, служащаго фундаментомъ для этого всевластія. Это, разумѣется, клается соотвѣтствующій отпечатокъ, какъ на либеральную

прессу, такъ и на всю общественную дѣятельность нашихъ образованныхъ круговъ.

При такихъ условіяхъ, и такія, сами по себѣ невинныя, учрежденія, какъ наши органы общественного самоуправления и наша печать, должны стать орудіями для революціонизированья народныхъ массъ. Но, разумѣется, безъ энергическаго воздѣйствія социальдемократовъ, условія эти могутъ, по отношенію къ политическому развитію нашего пролетаріата, остаться въ состояніи вяло дѣйствующей, дремлющей силы. Онѣ могутъ, пожалуй, и послужить въ рукахъ революціонеровъ изъ либерально-демократической интеллигенціи на пользу его революціонизированья, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ этого требуютъ настоящіе и будущіе его классовые интересы; интересы эти требуютъ, чтобы русскій рабочій классъ уже теперь началъ организовываться въ самостоятельную революціонную партію и выступать, какъ самостоятельная политическая сила.

Къ сожалѣнію, наши социальдемократическіе кружки чрезвычайно далеки еще отъ тактики, имѣющей цѣлью всестороннимъ образомъ пользоваться прогрессивными элементами русской жизни въ интересахъ только-что указанной задачи. Помимо вышнихъ, не зависящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, главной помѣхой къ выработкѣ такой тактики служитъ господствующая среди нихъ точка зрѣнія, служащая сферой дѣятельности русской социальдемократіи организаціей рабочихъ для борьбы съ предпринимателями и активнымъ участіемъ въ стачкахъ. Конечно, отнюдь не всѣ изъ Васъ, дорогие товарищи, такъ узко смотрятъ на дѣло, да и большинство на практикѣ отклоняется нѣсколько отъ этой точки зрѣнія. Но въ общемъ, она несомнѣнно гораздо больше господствуетъ въ русской социальдемократіи, чѣмъ бунтарскія воззрѣнія господствовали среди революціонной интеллигенціи 70-хъ годовъ.

Она, можно сказать, является своего рода возрожденіемъ бунтарства, только на новой социальной почвѣ и на другомъ теоретическомъ фундаментѣ. Бунтарство

ко многимъ фактамъ и явленіямъ русской жизни, обуславливающимъ историческое положеніе нашего пролетаріата, а слѣдовательно, и современныя задачи его социаль-демократическаго авангарда. Оно вредно уже тѣмъ, что, суживая умственный кругозоръ передовыхъ рабочихъ узко-классовыми интересами въ томъ грубомъ смыслѣ, какой вкладываютъ буржуа въ слѣдующія и отбѣнковъ въ ученія социальной демократіи, замедляетъ собственное политическое развитіе этихъ рабочихъ и мѣшаетъ имъ выйти изъ стадіи политическаго младенчества. А это, въ свою очередь, становится тормазомъ для пріобрѣтенія нашимъ пролетаріатомъ того центрального и передоваго политическаго значенія, которое онъ могъ бы пріобрѣсти въ современной Россіи, благодаря политическому безсилію *всѣхъ другихъ классовъ*.

Не смотря на свою социальную безпомощность и полную безкультурность, крестьянство наше являлось до сихъ поръ средоточіемъ заботъ и симпатій прогрессивныхъ и революціонныхъ слоевъ интеллигенціи. Почему? Между прочимъ и потому, что они лишь въ немъ видѣли и видятъ какъ бы социальное воцеленіе своихъ прогрессивныхъ стремленій и рычагъ для избавленія отъ скрывающаго русскую жизнь государственнаго строя. Односторонняя же практика русскихъ социаль-демократовъ замедляетъ развитіе въ интеллигенціи такого же отношенія къ рабочему классу, не смотря на то, что послѣдній исторически дѣйствительно призванъ къ роли главной революціонной силы въ освободительномъ движеніи противъ устарѣлыхъ политическихъ порядковъ.

Во избѣжаніе недоразумѣнія замѣчу, что я далеко отъ мысли умалить значеніе такъ-называемой „экономической борьбы“. Наоборотъ, она составляетъ для меня аксіому, истину, не требующую доказательствъ, и распространяться о которой значило бы оскорблять развитаго читателя. Предвидущія замѣчанія исходятъ, поэтому, изъ того предположенія, что первостепенная важность стачекъ и вообще частныхъ столкновеній рабо-

чихъ съ капиталистами для освободительнаго движенія пролетаріата признается всѣми русскими социальдемократами, какъ уже нѣчто само собой подразумѣвающееся, вошедшее въ ихъ общее сознание. Но у насъ при этомъ не замѣчаютъ обратной стороны медали. Многіе совершенно упускаютъ изъ виду, что нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ стачки не связаны съ такими препятствіями и съ такими жертвами, какъ въ Россіи. И въ то же время нѣтъ такой страны на Западѣ, гдѣ бы рабочій классъ былъ такъ обѣденъ интеллектуальными, организаціонными и матеріальными средствами, какъ у насъ. Слѣдовательно, есть полное основаніе опасаться, что дальнѣйшее одностороннее развитіе стачечнаго движенія можетъ отразиться временнымъ истощеніемъ нашихъ силъ и повлечь за собой періодъ разочарованія и реакціи въ рядахъ нашихъ и въ самой народной массѣ. Только постоянно возрастающій притокъ новыхъ силъ изъ интеллигенціи и сочувствіе нашему движенію со стороны прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще могли бы обезпечить насъ противъ такой тягостной перспективы. А для созданія себѣ такой опоры въ этихъ классахъ, мы должны всею своею практической дѣятельностью, включая и сферу чисто экономической борьбы, наглядно и неустанно обнаруживать обще-демократическія задачи нашего движенія и такимъ путемъ популяризировать обще-національное революціонное его значеніе для современной Россіи.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду и перспективу затишья въ стачечныхъ волненіяхъ. Какъ уже справедливо замѣтилъ Петербуржецъ въ своей прекрасной статьѣ „По поводу с.-петербургской стачки“ (№№ 3-4 сборника „Работникъ“), — „такія событія, какъ петербургская стачка, не могутъ ни долго тянуться, ни часто повторяться“. Куда же дѣнется, на что будетъ затрачена энергія уцѣлѣвшихъ живыхъ революціонныхъ силъ пролетаріата? Въ концѣ 70-хъ годовъ такія силы уходили въ террористическое движеніе и затеривались въ общей массѣ революціонной интеллигенціи, ни на

волось не способствовавъ ни подъему политическаго сознанія въ рабочей массѣ, ни усилению тяготѣнія въ прогрессивныхъ слояхъ общества къ пролетариату, какъ къ новой народно-революціонной общественной силѣ. Отчего бы еще разъ не повториться такому явленію, разъ наиболѣе энергичные и интеллигентные представители нашего пролетариата не найдутъ примѣненія своимъ силамъ и исхода своимъ политическимъ стремленіямъ — подъ флагомъ социалъдемократіи?

Пора, однако, остановиться. Я взялся за перо совсѣмъ не съ намѣреніемъ подробно разобрать недостатки нашей тактики и излагать свои положительные взгляды на нее. Для этого рамка газетнаго письма слишкомъ тѣсны. Затѣмъ, многое изъ того, что относится къ области тактическихъ вопросовъ, можетъ быть должнымъ образомъ обсуждено только путемъ коллективныхъ совѣщаній дѣйствующихъ товарищей на мѣстныхъ и общихъ съѣздахъ.

Быть можетъ, обсужденіе тактическихъ вопросовъ и выработка *общей программы дѣйствія* положить начало или дать, по крайней мѣрѣ, рѣшительный толчокъ дѣлу объединенія революціонныхъ рабочихъ кружковъ и союзовъ въ „русскую рабочую революціонную партію“. До тѣхъ же поръ, пока не состоится такое объединеніе на почвѣ общей тактики, русская социалъдемократія будетъ все еще представлять собою только зародышъ, а отнюдь не живой, полный силъ организмъ, по праву носящій это названіе.

Резюмируя свои крайне бѣглыя и очень отрывочныя замѣчанія, я скажу, что наиболѣе насущные вопросы и задачи нашего движенія группируются теперь вокругъ одного вопроса или одной задачи, которая можетъ быть сформулирована слѣдующимъ образомъ: раздвинуть рамки и расширить содержаніе нашей пропагандистско-агитаціонной и организаторской дѣятельности.

Въ заключеніе прошу васъ, дорогіе товарищи, принять мой братскій привѣтъ и искреннее пожеланіе успѣха предпринятому вами изданію. Отъ всей души

желаю, чтобы „Равочая Газета“ достойно выполняла свое назначеніе — служить органомъ для всѣхъ нашихъ социальдемократическихъ группъ — и способствовала бы скорѣйшему переходу нашего движенія въ періодъ возмужалости.

II. Аксельродъ.

ПРОЭКТЪ ПРОГРАММЫ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ*).

Русскіе социаль-демократы, подобно социаль-демократамъ другихъ странъ, стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ *средствъ и предметовъ* производства, перехода, который повлечетъ за собою:

а) Устраненіе современнаго товарнаго производства (т. е. купли и продажи продуктовъ на рынкѣ) и

б) Замяну его новой системой общественнаго производства по плану, заранѣе составленному, въ виду удовлетворенія потребностей, какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время.

Эта коммунистическая революція вызоветъ самыя коренныя зміненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Замяняя современное господство продукта надъ производителемъ — господствомъ производителя надъ продуктомъ, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественныя отношенія, она, выѣстѣ съ тѣмъ, предоставитъ каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредствен-

*) Программа эта была издана въ 1896 г.

наго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣну ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*.

Кромѣ того, теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. При современномъ развитіи международнаго объѣма, упроченіе этой революціи возможно лишь при участіи въ ней всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ цивилизованныхъ обществъ. Отсюда вытекаетъ *солидарность интересовъ производителей всѣхъ странъ*, признавая и провозглашая еще Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ.

Но такъ какъ освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, такъ какъ интересы труда въ общемъ діаметрально противоположны интересамъ эксплуататоровъ, и такъ какъ, поэтому, высшіе классы всегда будутъ препятствовать указанному переустройству общественныхъ отношеній, — то неизбежнымъ предварительнымъ его условіемъ является *захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соответствующихъ странъ*. Только это временное господство рабочаго класса можетъ парализовать усилія контръ-революціонеровъ и положить конецъ существованію классовъ и ихъ борьбѣ.

Эта политическая задача вноситъ элементъ разнообразія въ программы социаль-демократовъ различныхъ государствъ, сообразно общественнымъ условіямъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Практическія задачи, а слѣдовательно, и программы социаль-демократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ, и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ

такихъ странахъ социаль-демократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи. Капитализмъ сдѣлалъ въ ней громадныя успѣхи со времени отмены крѣпостного права. Старая система натурального хозяйства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальныя, общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государству крестьянскаго населенія, а во многихъ мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то же время, приурочивая къ землѣ интересы огромной части производителей, она препятствуетъ ихъ умственному и политическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда — неустойчивость политическихъ возрѣвій, а временами — уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенціи.

Такое положеніе дѣлъ было бы вполне безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложе-

ніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспримчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ какъ идеалъ общинника лежитъ назади, въ тѣхъ условіяхъ патріархальнаго хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участь промышленнаго рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію повѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи, русскіе социаль-демократы считаютъ первую и главнѣйшую свою обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ, однако, въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе.

Поэтому, борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей.

Главнымъ средствомъ политической борьбы рабочихъ кружковъ противъ абсолютизма русскіе социаль-демократы считаютъ агитацію въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ ней социалистическихъ идей и революціонныхъ организацій. Тѣсно связанныя между собою въ одно стройное цѣлое, организація эти, не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти, въ удобный моментъ, къ общему, рѣшительному на него нападенію, при чемъ не остановится и передъ такъ-называемыми террористическими фактами, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ

является завоеваніе демократической конституціи, обеспечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ Законодательное Собраніе, такъ и въ провинціальныя и общинныя органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ, за вѣдѣстныя, строго опредѣленныя закономъ, позорныя дѣйствія, къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Всеобщее, свѣтское, даровое и обязательное образованіе, при чемъ государство должно снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неурисковенность личности и жилища гражданъ.

5) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціаций.

6) Свободу передвиженій и занятій.

7) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племеннаго происхожденія.

8) Замѣну постоянного войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

9) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несомѣстныхъ съ достоинствомъ человѣка.

Опираясь на эти основныя политическія права, рабочая партія выдвинетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.:

1) Радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ея крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ, и т. п.

2) Устраненія современной податной системы и установленія прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательнаго регулированія отношеній ра-

бочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соответствующей инспекціи съ *представительствомъ отъ рабочихъ.*

4) Государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требованія настолько же благоприятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее социаль-демократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратно лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею обѣднѣвшая часть крестьянства.

Примѣчаніе. Какъ видно изъ вышесказаннаго, русскіе социаль-демократы полагаютъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ социаль-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на болѣе развитой слой трудящагося населенія, каковыя и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социаль-демократы могутъ, съ гораздо болѣею надеждою на успѣхъ, распространить свое содѣйствіе и на крестьянъ, въ особенности въ то время, когда они добьются свободы агитаціи и пропаганды. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ сопрякосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу социалистическому движенію въ Россіи. Социаль-демократы не только не оттолкнули отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и приемахъ своей дѣятельности.